

ДИСФЕМИЗМЫ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Лариса МОСИНЕВИЧ (Запорожье, Украина)

Стаття розглядає культурно-комунікативні та соціально-психологічні властивості російських та англійських дисфемізмів в аспекті категорій «картини світу».

The article is based on the thesis that the language absorbs all the human experience and wisdom accumulated throughout the nation's history. It also deals with correlation between disphemisms in the English and Russian languages in the light of social and cultural concepts.

На рубеже 20–21 веков в современной лингвистической парадигме произошел сдвиг: объектом лингвистических исследований стало не столько изучение функционирующей структуры, сколько объяснение ее через связь с процессами в индивидуальном, социально-групповом и этническом сознании.

Одной из тенденций современного развития языков является феномен политкорректности, которая стала объектом когнитивного и лингвокультурологического анализа. Однако собственно дисфемизмы в лингвокультурологическом аспекте пока не исследовались. Можно назвать лишь диссертационную работу Мартыновой И. А., в которой дисфемизмы рассматриваются в контексте менасивных речевых актов, и статью Беликова В. «Национальная идея и культура речи», в которой анализируются лингвокультурологические и социокультурологические проблемы использования инвективной и обценной лексики в современном российском обществе.

Цель данной статьи автор видит в том, чтобы наметить пути анализа дисфемистических обозначений в категориях языковой картины мира.

Само понятие «языковая картина мира» восходит к идеям Гумбольдта о внутренней форме языка и гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Если лингвистика середины 20 века рассматривала идею Ф. Соссюра о языке как «самодавляющей сущности», изолированной от носителя языка, то в настоящее время всеми учеными высказывается мысль об антропоцентрическом характере языка. Например, ключевыми словами разных определений понятия языковой картины мира являются: «роль человеческого фактора», «язык создан по мерке человека», «субъективность языка».

Сегодня картину мира определяют как отражение каждым естественным языком определенного способа и концептуализации мира. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально-специфичен, так что носители разных языков видят мир по-разному, через призму своих языков. И действительно, на основе языковых особенностей мы можем судить об этнокультурных. Например, определенный узор на ткани русский человек назовет «узором в елочку», англоговорящий же скажет «a herring bone», что означает «скелет селедки». На таком простом примере прослеживается разница в менталитете двух народов: Русь ассоциируется с елками, медведями, стихия Великобритании – вода, так как это – островное государство, владевшее когда-то самым мощным флотом. Эта любовь к морю проявляется не только в лексике, но и в грамматике: названия морей, рек, океанов и кораблей употребляются с определенным артиклем «the».

В последнее десятилетие в русской семантике активно развивается направление, целью которого является воссоздание языковой картины мира на основании комплексного анализа лингвоспецифических концептов языка, прежде всего русского, в перспективе межкультурной коммуникации.

Итак, в ходе когнитивной деятельности человека, которая предполагает осмысление поступающей к нему информации, происходит оценивание ценностей, явлений, событий, объектов [2: 59]. Под влиянием различных факторов формируется позитивное и негативное отношение человека к ним. Например, универсальными культурологическими концептами являются добро и зло. В процессе общения человек стремится замаскировать и смягчить то, что воспринимается обществом как зло (войны, голод, смерть, болезни). С другой стороны, в

силу скромности, или еще по каким-то причинам, говорящий иногда вуалирует концепт «добро» (любовь, счастье, щедрость и др.).

Лексические единицы, которые смягчают грубые или нетактичные номинации, принято считать эвфемизмами, а «слова, замещающие эмоционально и стилистически нейтральные слова более грубыми, непристойными наименованиями, называются дисфемизмами» [3:671]. Дисфемизмы придают резко отрицательную окраску денотату с любой оценкой и ориентированы на отрицательное речевое воздействие на коммуниканта, характеризуются этико-стилистической сниженностью. Существенным условием функционирования дисфемизмов являются социокультурные факторы, то есть дисфемизмы тесно связаны с картиной мира. Они выступают как прагматическая антитеза эвфемизмам, при этом оценочные слова синонимического ряда, включающие положительные и отрицательные единицы стилистического регистра, не всегда образуют антонимическую пару.

Исходя из приведенного определения дисфемизмов, можно сформулировать вопрос, попадает ли в эту категорию вульгарная, обценная лексика, которая тоже является грубой или пренебрежительной.

Обценная лексика (или обценизмы) – это «слова, которые являются неприличными обозначениями табуизированных понятий» [7: 29]. К дисфемизмам же не всегда относятся неприличные обозначения, например: спекулянт, с животом (беременная), тупой, от сохи (деревенщина), калека. Вне контекста не всегда возможно с полной уверенностью отличить вульгаризм от дисфемизма. Единственно правильным критерием, на наш взгляд, является реакция слушателя. Например, при слове «брюхатая», являющимся вульгаризмом, дискомфорт ощутит и непосредственно объект номинации, и посторонний человек. Реакция на дисфемизм «с животом» («с пузом») последует только у беременной женщины, а всем остальным оно покажется безобидным. С. Берлускони, в разговоре об избранном президенте США Обаме, пошутил насчет его «загорелости», что было намеком на цвет кожи афроамериканца. В этой ситуации вполне безобидная дефиниция «загар» принадлежит к разряду дисфемизмов.

Говоря об эмоциональной детерминированности дисфемизмов, можно упомянуть о сложившейся ситуации в британском парламенте. Здесь разрешено употреблять такие дисфемизмы как *halfwit* «слабоумный», «дурак», *Tory clot* «тори иски й болван», «идиот», однако *jackass* «осел», «дурак» – уже неприемлемое. Таким образом, если вульгаризм – это категория семантическая, то дисфемизм – социально-семантическая и отчасти стилистическая, учитывающая зависимость от ситуации общения, психологической восприимчивости собеседника.

И вульгаризмы, и дисфемизмы могут попадать в разряд сленговых единиц. Сленгизмы – это заменители нейтральных или книжных слов просторечными с целью демонстрации грубовато-фамильярного, иногда юмористического отношения к предмету речи. Если говорить о грубоватом отношении, то в некоторых случаях сленг и дисфемизмы совпадают, например, *skirt* (баба). А вот сленговое слово «killing» в значении «убийственный», «классный», «уморительный» уже ничего общего с дисфемизмом не имеет. Таким образом, дисфемизмы пересекаются с такими стилистическими единицами как вульгаризмы, сленг, но полностью с ними не совпадают.

Дисфемизмы иногда могут восприниматься как инвектива (оскорбление) – «форма языкового насилия над личностью» [цит. по 6: 24]. В основе инвективного общения лежит стремление понизить социальный статус адресата, уровень его самооценки, нанести моральный урон. Такие инвективы как *вор*, *болван*, *дурак*, *коновал* вполне вписываются в разряд дисфемизмов. Однако вызвать обиду могут и стилистически нейтральные слова: хромой, косой, лысый и др.

Итак, дисфемизмы могут входить в группу обценной лексики, и в группу инвективной. С точки зрения выполнения коммуникативных задач они сближаются с инвективами, а в морально-этическом плане – с обценизмами.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что дисфемизмы решают несколько прагматических задач.

Анализ англоязычных словарей Холдера, Сильвер и Ниман показывает, что массовое употребление дисфемизмов наблюдается в таких семантических сферах, как социальный статус, психическое состояние, биологические свойства (пол, возраст, сексуальная ориентация, состояние здоровья).

Дисфемизмы этнической принадлежности имеют яркую национально-культурную специфику и основаны на ассоциативных стереотипах. Поскольку для современной Америки характерно этническое размежевание, то и соответствующее лексическое поле дисфемизмов в английском языке обширно: оно касается африканцев, индейцев, выходцев из стран Азии. В русском языке этот ряд представлен весьма скудно (черномазый, хохол, ара (о кавказцах), жид) в силу общей национально- этнической терпимости российского общества.

Для афроамериканцев белое население используют такие презрительные клички, как *ape, boy, buck, dark meat, darky, jungle bunny, dinge, jigaboo* и т.д.. В свою очередь, о белокожих говорят *fay, gray, hardhead, honkey, hunky, white monkey, white trash, snowflake*. Американских индейцев называют *apple, buck*, а азиатов *banana, camel-jammer, dink, pigtail, gook, jap, wog*. Также на основе социально-статусного критерия объектом дисфемизации становятся лица физического труда (бармены, официанты, продавцы, работники автосервиса): *beer-slinger, counter-jumper, cow pilot, grease-monkey, hack-skinner, hash-slinger*; представители творческих профессий (актеры, дикторы, журналисты): *coon-shouter, scraper, talking head, hooper*; лица без явной профессиональной принадлежности: *brown bagger, dinner pailer, nine-to-five, working stiff*; представители профессий, которые наживаются за счет «простых» людей: бюрократы (*desk jockey, paper pusher*), психоаналитики (*head shrink*), либо богачи вообще (*robber barons, jillionaires*), полицейские (*dicks, deeks, pigs, frogs, meateater, fuzz, heat*).

Исходя из перечисленных профессий, а именно из количества дисфемизмов, их обозначающих, можно сделать вывод, что социальная иерархия отчетливее выражена у американцев и англичан, нежели в наших условиях. До последнего времени мы руководствовались принципом «Люди разные нужны, люди разные важны». Сравнительно недавно в русском и украинском языках стали появляться эвфемистические замены названий непрестижных профессий: техничка, технический персонал – вместо *уборщицы*, водитель – вместо *шофера*. Остались незамененными *посудомойка, дворник, кладовщица* и др. Таким образом, наше общественное сознание более лояльно относится к труду любого рода.

Если вспомнить презрительные клички милиционеров в русском языке, их насчитается немного: мент, мусор, легавый. Говорит ли нам тот факт, что у англоговорящих богаче представлен этот синонимический ряд, о том, что Америка (Великобритания) – уже не такие законопослушные страны, какими были до этого?

К жителям сельской местности мы тоже относимся более лояльно. Не стоит забывать, что рабоче-крестьянское происхождение имело большинство советских граждан. В английском же языке достаточно много уничижительных названий представителей «от сохи»: *apple-knockers, clod-hoppers, corn-tassels, country-bumpkin, hay-seed, rednecks, shit-kicker* и т. д. Так как раньше мы вели коллективное хозяйство, и культура у нас направлена на коллективизм, в отличие от индивидуалистических американских традиций, то и к человеку, как представителю социума, нации, мы относимся толерантнее. Поэтому в этнических и в социальных сферах дисфемизмов употребляется немного. В личностных отношениях ситуация складывается более напряженная: достаточно вспомнить русские поговорки – «с волками жить, по-волчьи выть», смотреть волком на кого-либо» и др. К человеку, индивидууму, русская культура еще не готова относиться как к другу, а не как к сопернику и врагу, поэтому в других группах дисфемизмы в русском языке встречаются чаще.

Дисфемизмы используются для выражения умственных качеств человека, его нравственных характеристик, а также по отношению к «низам» общества в лице наркоманов, алкоголиков и т.п. Для описания странного поведения, привычек, внешнего вида, интеллекта в английском языке функционируют такие дисфемизмы: *asshole, bozo, clod, deadass, dumbbo, freak, geek, moron, twit, etc.* Слабоумный, урод, болван встречаются также и в русской речи.

Во всех языках есть эквиваленты таких дисфемизмов, которые характеризуют карьеристов, выскочек, болтунов. В английском это: *apple-polisher, ass-kisser, backseat driver,*

gold-digger, bullshit artist. В русском они звучат более емко, многозначнее за счет того, что употребляются в глагольных структурах: идти по трупам, лизать кому-то задницу, подсиживать кого-либо и т.д.

Если в мусульманских странах запрещено спиртное и нет такого бича, как пьянство, значит и отсутствуют дисфемизмы, обозначающие это понятие. Ни в одном языке мира нет столько выражений про пьянство, как в русском и украинском: п'яний як ніч, чіп, хлющ, квач, у дим ; пьян в стельку, до чертиков, поросячого визга и др. В английском, в основном, употребляется «as drunk as a lord». Зато как красиво и благородно. Поскольку для англоязычной культуры это явление «неспецифичное», то оно сильнее осуждается : русские *ханурик*, *алкаш* в английском становятся *alkie*, *bar-fly*, *bum*, *hobo*, *punk*, *junkie*.

Дисфемизмы, затрагивающие биологическую сферу, а именно смерть, в русском языке представлены следующими выражениями: окочуриться, отбросить копыта, сдохнуть. В них прослеживается некая ассоциация человека с животным, определенное отношение, далеко не позитивного характера, к братьям нашим меньшим. Это отношение было спроецировано в язык из нашей действительности: если за границей есть приюты для бездомных животных, если в английском языке, помимо *animals*, выделен еще один термин для обозначения именно домашних любимцев- *pets*, то у нас этого ничего нет. В английском языке концепт «смерть» представлен, в основном, эвфемизмами. Этот факт показывает, что к смерти англичане склонны относиться как к чему-то сакральному, и поэтому табуированному.

Дисфемизмы по половому признаку широко представлены во многих языках. Возможно, это связано с пережитками патриархальной культуры в обыденном сознании. Пейоративные (уничтожительные) номинации презрительно обозначают женщину как сексуальный объект: *bitch*, *cunt*, *whore*, *wool*, *twat*, *alley cat*. Очевидно, это коррелирует с выводом Фрейда, что сексуальность большинства мужчин содержит примесь агрессивности, склонности к насильственному преодолению, биологическое значение которого состоит в необходимости преодолевать сопротивление сексуального объекта. Однако не лучше обстоит дело в сфере обозначения мужчин: *bastard*, *doormat*, *dweeb*, *sucker*, *slob*, *son of the bitch*.

Среди острых проблем современной цивилизации находятся вопросы нетрадиционного сексуального поведения. Если на постсоветском пространстве об этом широко заговорили совсем недавно, то в англоговорящих странах уже давно идет активное пополнение словаря за счет лексики, обозначающей это явление. Пейоративные номинации представлены следующим образом: *Amy-John*, *cock-sucker*, *dyke*, *drag queen*, *fay*, *maricon*, *Mary*, *Nancy* и т. д.

Обширную группу образуют дисфемизмы, обозначающие части тела: мозги-*conk*, *wet-ware*; лицо – *kisser*, *map*, *mug*, *pan*; зубы – *china*, *choppers*, *snatcher*; грудь – *bazongas*, *melon*, *knobs*; живот - *bay window*, *bread basket*; телесный низ – *ass*, *dork*, *twat*, *butt* и т. д.

Славянские культуры в этом плане выступают как более «пуританские». В силу длительной доктрины «у нас секса нет», к своему телу мы относимся «скромнее», «аккуратнее», вследствие чего данные денотаты в русском и украинском языках представлены скромнее. В этом сыграли роль и традиции народной культуры, которые поддерживались православной церковью.

Язык воплощает и национальные образы, и национальные ценности, и национальный характер, поэтому с его помощью можно произвести реконструкцию менталитета определенной нации.

В свою очередь, язык накладывает свой отпечаток на сознание своих индивидуальных носителей – формирует их картину мира, следовательно, он не только воспроизводит черты этнического мировоззрения, но и создает их.

На основе анализа дисфемизмов можно проследить актуальные для какой-то конкретной нации узлы проблем. Чем негативнее общество реагирует на явление, тем больше используются дисфемизмов для выражения этого понятия. В американской культуре с их помощью хотят разоблачить, уличить, высмеять, дискредитировать и дискриминировать небелое население, лиц нетрадиционной сексуальной ориентации, в восточнославянских культурах - прежде всего пьяниц, лентяев, дураков.

К последней категории отношение американцев и русских отличается. Дураки есть везде. Однако представители англоговорящих стран относятся к ним более серьезно, предвзято, грубо, ассоциируя их с некоторыми органами. Мы же воспринимаем их скорее с юмором, так как привыкли к своим фольклорным персонажам: Балде, Иванушке-дурачку, Емеле.

Судя по семантическим зонам дисфемии, в англоговорящих странах, прежде всего американцы «зациклены» на социальном статусе, цвете кожи и сексе. Именно в структуре вербализации этих концептов больше всего политкорректных слов, завалакивающих реальность, что в свою очередь ведет к созданию новой морали, более циничной и жесткой.

Употребление большого количества дисфемизмов в русском языке характерно только для категории «секс». Известно, что в каждой культуре есть «ключевые» слова: в русскоязычной – концепт «душа», в англоязычной – «разум». Естественно, что «секс» теснее связан с первым из названных.

Некоторые лингвисты и культурологи считают, что коммуникативными доминантами англоязычного мира являются вежливость и толерантность. Однако в английском языке много дисфемизмов, определяющих широкий круг явлений жизни. Объяснение можно видеть в том, что, чем больше люди лицемерят, выражаясь политкорректно, тем больше им хочется снять контроль, эмоционально разрядиться. Американскому суперурбанистическому обществу вообще не хватает эмоциональности, поэтому американцы сознательно отдают предпочтение окрашенным средствам. Русские знают, что ругаться уместно: мат распространен широко. В США и Великобритании матерщина спрятана глубже и не столь активно употребляется, как в России. Поэтому американцы пользуются «золотой серединой» – дисфемизмами (хотя бранное слово «fuck» в английском языке представлено 1200 синонимами!).

Анализ дисфемизмов в данной работе выдвигает еще одну проблему – до сих пор ни в отечественной, ни в зарубежной лексикографии не существует словаря дисфемизмов, в котором бы они были отграничены от жаргонизмов, вульгаризмов, табу, семантических интенсификаторов.

БИБЛІОГРАФІЯ

1. Беликов В.И. Национальная идея //Отечественные записки. – 2005. – № 2.
2. Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка.// Изв. РАН ОЛЯ, 1997, т. 56. – №3.
3. Караулов Ю. Н. Язык и личность //Русский язык . Энциклопедия. Изд. 2-ое. –М.: Дрофа, 1997. – 671 с.
4. Кудрявцев А. Ю. Англо- русский словарь табуированной лексики и эвфемизмов. – М.: АСТ, 2006. – 384 с.
5. Мартынова И. А. Функционально-прагматическое поле менасивных речевых актов. Автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.04. – Самара, 2006. – 17с.
6. Москвин В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. – М.: ЛЕНАНД, 2007. – 264с.
7. Мокиенко В. М. Словарь русской бранной лексики. – Berlin:Dieler Lenz Verlag , 1995. – 436с.
8. Holder R.W. A Dictionary of Euphemisms. – Bath: Bath univ. press, 1995. – 414p.
9. Neaman J.S., Silver C.G. The Wordsworth book of euphemisms. – Wordsworth Editions Ltd, Cumberland House, 1995. – 420 p.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Лариса Мосієвич – здобувач кафедри англійської філології КПУ, старший викладач кафедри теорії та практики перекладу КПУ.
Наукові інтереси: когнітивна та соціолінгвістика.

ІНДИВІДУАЛЬНИЙ СТИЛЬ ПАТРИКА ЗЮСКІНДА ТА СИТУАЦІЯ ПОСТМОДЕРНУ (на матеріалі роману «Контрабас»)

Валерія МУРАТОВА (Миколаїв, Україна)

У статті розглянуто особливості індивідуального стилю Патріка Зюскінда на матеріалі одного з його романів, подано опис лексико-граматичних категорій у межах постмодерністського тексту, простежено особливості впливу елементів постмодернізму на мовні засоби автора.

The peculiarities of the individual style of Patrick Süskind are investigated in this research-paper. The description of lexico-grammatical categories in the novel of the postmodern literature is given. The influence of the postmodern trades and elements is analyzed.

Історія розвитку лінгвостилістики як науки безпосередньо пов'язана з вивченням індивідуального мовного стилю автора. За словами Рут Ліверські (Liwerski R) феномен